

To history of the concept "social identity" in foreign sociology and social psychology

Shakurova, Anna Vasilyevna

Veröffentlichungsversion / Published Version
Zeitschriftenartikel / journal article

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Shakurova, A. V. (2012). To history of the concept "social identity" in foreign sociology and social psychology. *Modern Research of Social Problems*, 2, 1-36. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-398791>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer Basic Digital Peer Publishing-Lizenz zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den DiPP-Lizenzen finden Sie hier:
<http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

Terms of use:

This document is made available under a Basic Digital Peer Publishing Licence. For more Information see:
<http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

УДК 301.18

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» В ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Шакурова А.В.

Цель: обобщить, систематизировать и уточнить имеющиеся в научной литературе теоретические подходы к феномену социальной идентичности с социально-психологических и социологических позиций.

Метод проведения работы: теоретический анализ научных источников.

Область применения результатов: Выявленная в ходе теоретического анализа социально-психологическая трактовка феномена социальной идентичности: ее структуры, видов и специфики проявления, может оказаться полезной при объяснении многочисленных проблем в жизнедеятельности отдельных групп и коллективов, в целом социальной среды, которые традиционно находятся в поле зрения социологии.

Ключевые слова: идентичность: структура, виды, элементы идентичности.

TO HISTORY OF THE CONCEPT «SOCIAL IDENTITY» IN FOREIGN SOCIOLOGY AND SOCIAL PSYCHOLOGY

Shakurova A.V.

Purpose: To summarize, organize, and clarify the available scientific literature, theoretical approaches to the phenomenon of social identity with the socio-psychological and sociological positions.

Methodology: a theoretical analysis of scientific sources.

Scope of the results: Identified in the theoretical analysis of the socio-psychological interpretation of the phenomenon of social identity: its structure, and specific types of manifestations, may be useful in explaining the many problems in the life of the individual groups and teams, in general, the social environment, which traditionally are in the field of view sociology.

Keywords: identity: structure, kinds, identity elements.

Хорошо известно, что в гуманитарном знании основные подходы к пониманию социальной идентичности сформировались в ходе изучения группового и межгруппового поведения и с определенной долей условности подразделяются на психоаналитическое, когнитивное, бихевиористское, деятельностное психологические направления и интеракционистское, конструктивистское социологические течения. Что касается когнитивного описания феномена идентичности, то максимально выраженную направленность теория идентичности, как известно, получила благодаря исследованиям Г. Тэджфелом, Дж. Тернером и др. процесса категоризации, в который включаются сам субъект, другие люди и который представляет собой «проявление адаптивной функции человеческой психики, структурирующей бесконечное многообразие стимулов окружающей среды в более упорядоченную совокупность отдельных категорий» [15, с. 16]. Социальная категоризация, согласно Г. Тэджфелу, – это достаточно простое когнитивное разделение на группы, способствующее проявлению группового фаворитизма и используемое индивидами в социальном взаимодействии, которое позволяет человеку «структурировать причинное понимание социального окружения» в качестве руководства к собственным действиям и обеспечивает «систему ориентиров для самооценивания, создавая и определяя место в обществе...» [34, с. 10]. Прежде всего категории, отражающие содержание индивидуального «Я» и социального контекста, а также соотношение между ними; оформленные

в «представление индивида о себе, происхождение которого обусловлено его знанием о его членстве в социальных группах, ... ценностью и эмоциональной значимостью, придаваемыми этому членству» [34, с. 10], как результат процесса категоризации следует называть идентичностью. При этом восприятие человеком самого себя (идентичность), является, с одной стороны, самоописанием в терминах уникальных личностных характеристик, (личностная идентичность), а с другой стороны, – самоопределением в терминах принадлежности к той или иной социальной категории (социальная идентичность). Интересно, что формируется это восприятие посредством первоначального осознания собственной уникальности с последующим осмыслением своего места и роли в группе (группах), а также при помощи последовательного освоения определенных вариантов самокатегоризации: член социальной группы или изолированное лицо. Оба варианта самокатегоризации, по данным Г. Тэжфела и коллег, детерминирует определенная готовность человека, которая отражает его прошлый опыт, ожидания, ценности, цели, потребности, а иначе говоря, активная избирательность в процессах самоопределения и использования категорий, являющихся релевантными, полезными, подтверждаемыми в дальнейшем реальной действительностью и соответствующими конкретной ситуации. Именно эти концептуальные идеи Г. Тэжфела и Дж. Тернера выступили методологическим основанием для разработки отечественными исследователями Н.Л. Ивановой и Т.В. Румянцевой когнитивной модели идентичности как «динамической прижизненно формирующейся в ходе взаимодействия и активного построения социальной реальности системы социальных конструктов субъекта, которая оказывает влияние на его ценностно-смысловую сферу и поведение» [18, с. 56], [19], [21]. В их понимании идентичность – это индивидуальная, но связанная с социальной ролью, позицией или статусом, категория, соответствующая трем основным уровням самокатегоризации: базовому (личностная самокатегоризация, выражающаяся в соответствующих представлениях о себе,

личностной идентичности); среднему (групповая самокатегоризация, проявляющаяся в представлениях о своем групповом членстве, социальной идентичности) и, наконец, широкому (человеческая самокатегоризация, проявляющаяся в представлениях о себе как человеческом существе, человеческой идентичности) уровням идентичности.

Между уровнями существует функциональный контраст в том смысле, что с позиции самоописания как неповторимой личности человек не обнаруживает сходства между различными группами, а с позиции социальной идентичности – не различает индивидуальных характеристик отдельных членов сообщества. Более того, любые факторы, усиливающие социальную самокатегоризацию индивида, способствуют не только усилению тождества между ним и остальными членами сообщества, но и деперсонализации индивидуального самовосприятия (восприятия себя как аналогичного другим) [21]. В отличие от Г. Тэжфела, Дж. Тернера, Н.Л. Ивановой и Т.В. Румянцевой с их пониманием личностной и социальной идентичности как различных аспектов единого конструкта, концепция Г. Брейкуэлла содержит несколько иное видение проблемы соотношения личностной и социальной идентичности. Так, по мнению исследователя, личностная и социальная идентичность – это «не различные части единой идентичности, а разные точки в процессе развития последней» [2, с. 139]. Согласно теории Г. Брейкуэлла, идентичность отражает результаты категоризации человека в качестве (биологического организма) индивида, члена определенной социальной группы и неповторимой личности, причем если категории, отражающие самовосприятие первого вида, со временем становятся все менее значимой частью идентичности, то понятия, характеризующие личностную и социальную идентичности, напротив, приобретают доминирующее влияние. В структурном плане идентичность представляет собой конструкт, включающий определенное, более или менее богатое, дифференцированное по субъективной значимости для индивида и в зависимости от актуальной ситуации содержание, которое трансформируется с

течением биографического времени при помощи трех взаимосвязанных процессов: ассимиляции, способствующей отбору новых элементов в сложившуюся структуру идентичности; аккомодации, обеспечивающей последующее переструктурирование, приспособление структуры идентичности к вновь усваиваемым элементам; оценивания, позволяющего определить значимость содержания новой и привычной идентичности.

При этом процесс оценивания может влиять на отбор содержания для ассимиляции и форму аккомодации, а ассимиляция содержания, в свою очередь, – задавать критерии оценки усваиваемого содержания. Что касается этого содержания, то по Г. Брейуэлл, оно относится к ролям, эмоциональным оценкам членства в группе (социальная идентичность), индивидуальным ценностям, установкам, каузальным схемам, персональным конструктам и эмоциям (личностная идентичность) как явлениям, имеющим для индивида позитивный или негативный характер, исходя из социальных норм и ценностей.

По мнению У. Дойс, личностная идентичность является социальной репрезентацией, т.е. когнитивной структурой, обуславливающей осознание человеком собственного «Я» и социальной позиции в системе символических взаимоотношений индивидов и групп. Согласно автору, занимаемая индивидом позиция зависит: во-первых, от содержания разделяемых большинством членов общества взглядов на данный конструкт, которые, несмотря на межкультурные различия, в рамках одной культуры или эпохи оказываются похожими; во-вторых, от основных принципов формирования индивидуального образа «Я», в основе которого находятся групповые представления об уровне экстраверсии, приятности, зависимости, эмоциональной стабильности, интеллекта, предопределяющие все разнообразие индивидуальных характеристик и задающие способы поведения собственных членов в обществе; в-третьих, от различных социальных факторов и переживаний, например, доминантности статуса в обществе [27].

М. Яромовиц подошла к пониманию идентичности как схемы «Я-Мы-Они», которая вырабатывается в индивидуальном сознании в процессе категоризации, содержит характеристики, по-разному раскрывающие индивидуальную ориентацию на других и просоциальную вовлеченность субъекта и, как следствие, регулирует социальное поведение. Схематическое представление человека о собственной личности, а также демонстрантах сходных или иных взглядов и поведения создается в процессе восприятия, сравнения, различения и воплощается в виде аффективного, публичного, коллективного, концептуального и самостоятельного социального «Я». По мнению автора, социальное «Я» как когнитивная структура и результат когнитивной категоризации включает в себя: аффективное социальное «Я», в основе которого находятся аффективные и мотивационные механизмы эмоциональной эмпатии и присоединения, направленные на объекты, удовлетворяющие первичные потребности, и поиск контактов с группой; публичное «Я», в основе которого лежит принятие групповых целей и норм конкретной группы; коллективное «Я», базирующееся на когнитивных представлениях о реальном социальном разделении и групповом членстве, в основе которого находятся процессы усвоения социальных норм и группового фаворитизма; концептуальное социальное «Я», основанное на абстрактных критериях, необходимых для понимания мира; самостоятельное социальное «Я», основанное на различении двух подсистем Я: «мы как индивидуальный» и «мы как член социальных групп и категорий», в основе которого находятся процессы распознавания себя за пределами сравнения с другими, в том числе, различение общих и специфических ценностей, целей, принятие автономности других групп и категорий [45]. Согласно автору, аффективная, публичная, коллективная составляющие социального «Я» складываются в результате действия когнитивной структуры «Я-Мы», вызывая синтонность и чувство ингрупповой включенности. Осознание концептуального и самостоятельного социального «Я» как результата активности когнитивной структуры в первом

случае «Мы-Они», а во втором, – «Я-Мы» выступает соответственно предпосылкой сосуществования с аутгруппами и дифференцирования единичного и коллективного (ингруппового) субъектов.

Еще одним примером когнитивной трактовки идентичности является концепция М. Синниреллы, согласно которой идентичность – это набор когнитивных, «развернутых» во времени, альтернативных представлений относительно собственного «Я» и своего поведения в ин- и аутгруппах, базирующаяся на взглядах Х. Маркуса, П. Нуриуса, Т. Хиггинса. Так, теория Х. Маркуса, П. Нуриуса о «возможных Я» раскрывает данный конструкт как совокупный феномен, который является экстраполяцией текущей рабочей Я-концепции («Я-концепции в данное время и в заданном социальном контексте взаимодействия, ... части общего репертуара Я на микро- и макросоциальном уровне»); проявляется в неограниченных количествах и актуализируется в конкретных ситуациях с разной частотой; имеет позитивный и негативный характер. В понимании Т. Хиггинса воображаемые представления и ожидания относительно собственного будущего (возможные Я) включают в себя: внутренние «долженствования» – характеристики, которыми, по мнению индивида, он должен обладать; внутренние предпочтения – характеристики, которыми, по мнению индивида, он хотел бы обладать в будущем; внешние по отношению к индивиду «долженствования» – характеристики, наличия которых, по мнению индивида, от него ожидают другие и которыми он должен обязательно обладать; внешние по отношению к индивиду идеалы – характеристики, наличия которых, по мнению индивида, в нем хотели бы видеть другие [6].

Безусловно, идеи М. Синниреллы во многом согласуются с представлениями Х. Маркуса, П. Нуриуса и Т. Хиггинса, но в то же время они расширяют и уточняют формулировки последних. Так, по мнению М. Синниреллы, имеющиеся в литературе учения можно дополнить за счет введения понятия возможной идентичности и включения в нее индивидуальных

и коллективных познаний о потенциальных прошлых и будущих группах членства, а также существующих у индивида представлений относительно возможного прошлого и будущего своей группы. Теоретическая конструкция потенциальной социальной идентичности М. Синниреллы не исключает присутствия в ней «возможного Я» или вероятностной персональной идентичности, которая, с одной стороны, содержит образы себя в перспективе, а с другой стороны, – образы нереализованного Я в предыдущие годы. По мнению исследователя, и потенциальное «Я», и возможная социальная идентичность, как правило, характеризуются совпадением предпочитаемых стратегий поведения, направленность которых обусловлена общими атрибутивными процессами и согласованностью различных когниций, а также вектора времени при выборе категорий для построения концепций «Я» или сообщества. Более того, согласно М. Синнирелле, существование возможных личностных и социальных идентичностей детерминировано культурным контекстом. Это означает, что индивидуалистические культуры способствуют максимальному выражению возможных личностных идентичностей, а коллективистические – возможных социальных идентичностей [42], [6]. Наконец, когнитивно ориентированная версия (модель) идентичности как характерной совокупности предписывающих представлений или, другими словами, знаний человека о самом себе, связанных с социальными ценностями, с одной стороны, и потребностью в признании, с другой, которые направляют поведение индивида при контактировании с ин- и аутгруппами, разрабатывается современными немецкими исследователями Б. Шеффером, М. Скарабисом, Б. Шледером [36], [29], [37]. По мнению исследователей, именно ценности регулируют поведение человека, являются центральным параметром при описании межличностных и социальных различий, выступают в качестве идеально-символических и материально-экономических стандартов идентичности и формируют самоопределение человека в качестве индивида или части сообщества. Кроме того, «... личное или социальное «я» содержит ...

описательные, периферические компоненты, которые характеризуются тем, что хотя они и воспринимаются как относящиеся к «я», тем не менее, не имеют отношения к ценностям и поэтому не имеют «характера долженствования» [36, с. 37].

На наш взгляд, при таком толковании роли ценностей (как источника активности человека в процессах сравнения, обобщения, систематизации явлений) последние оказываются не менее важным элементом психологического обеспечения идентичности, которая имеет когнитивно-мотивационную природу, чем потребности в принятии; самоуважении и позитивной Я-концепции; избегании негативных самооценок; самозащите и развитии; «конструировании смыслов и порядка из ... необработанного сенсорного опыта» [18, с. 56], [19], [20], [32]. Так, еще К. Левин, с которым современные авторы склонны соглашаться, утверждал, что индивиду для ощущения собственной ценности необходимо чувство принадлежности к группе. Некоторые зарубежные и отечественные исследователи, в частности, М. Хогг и Д. Абрамс [44], Н.М. Лебедева [24] и др. установили, что процессы идентификации меняются от потребности в самоуважении к потребности в смысле. Согласно данным У. Свана и М. Бананджи [38], [48], описание индивидом самого себя как человека с позитивными или негативными чертами, а также склонность последнего выбирать тех партнеров по взаимодействию, которые подтверждают собственные самооценки, основывается на желании поддерживать ощущение предсказуемости, стабильности и контроля. В работе Г.У. Солдатовой [30] выделены три группы потребностей, которые взаимосвязаны между собой и причинно обуславливают обретение человеком определенной этнической идентичности, а именно: потребности в самоуважении и личном достоинстве, безопасности и привязанности. По мнению автора, аффилиативные и архитипические мотивы детерминируют стремление индивида принадлежать к конкретной этнической общности, а статусные мотивы определяют человека стремление к позитивному

оцениванию своей этнической группы. Кросс-культурные исследования Н. Эллемерс и П. Млиски [43] показали, что кроме мотивации самоуважения, т.е. потребности быть лучше, идентификационные процессы опосредуются мотивацией отличия, т.е. потребностью отличаться от других людей. Так, изучая стереотипы как детерминанты поведения у польских и голландских студентов, исследователи установили, что в ряде случаев стремление к обретению собственной национальной идентичности является важнее, чем создание позитивного национального имиджа. Однако Дж. Тедески и М.С. Неслер [33] добавили к указанному списку источников мотивации свойственные многим людям потребности в достижении привлекательной идентификации, которые выступают одним из серьезных оснований для обретения власти и влияния над окружающими, Б. Шледер и Б. Шеффер [37] – историческое сознание или «социальные представления и объективно действующие установления», «обычаи и предписания общества» [37, с. 79]. Более того, результаты десятилетнего изучения Л.М. Дробижевой этнической идентичности и межэтнических установок показали, что от характера доминирующих потребностей зависит тип идентичности. Так, нормальную идентичность, под которой имеются в виду позитивные представления о своей национальности и сопутствующие им эмоции, понятия чести, достоинства, благополучия» [16, с. 53], формируют потребности в защищенности, самоуважении, аффиликации. Негативной идентичности, конструируемой, по словам Л.М. Дробижевой, «на основе представлений о себе как неспособных изменить жизнь к лучшему, обиженных, обделенных, живущих «в кольце врагов», солидаризирующихся на основе враждебного отношения к «чужому» [16, с. 53], оказывается свойственна подавленность мотивации к достижениям, апатия, страхи, комплексы неполноценности.

В данном контексте не менее целесообразно упомянуть о подходе южноафриканского психолога П. Приз [38], исследующего становление социальной идентификации в конфликтном обществе с точки зрения

формирования различных проектов достижения групповых «стратегических целей»: доминирования своего сообщества или защиты особых интересов перед угрозой их подавления. Это связано с тем, что и сам проект, и формирование последнего являются результатом действия когнитивных структур. С другой стороны, цели группы наряду с групповыми ценностями и потребностями также могут выступать серьезной причиной, побуждающей индивидов к осуществлению процессов саморепрезентации и самокатегоризации. На наш взгляд, представленная выше когнитивная постановка проблемы идентичности оказывается относительно близкой по смыслу к бихевиоризму – еще одному психологическому, но исторически более раннему, направлению исследований идентичности, и достаточно близкой социологическим альтернативам последней, согласно которым психологические свойства индивидуального сознания качественно изменяются под влиянием взаимодействия индивида и общества. Так, в рамках бихевиоризма внутренние характеристики личности оказываются скорее зависимой от внешних обстоятельств переменной и, таким образом, исключаются из объяснительных принципов. По мнению М. Шерифа [47] и его коллег, люди зачастую придают минимальное значение особенностям развития собственной личностной истории, а, включаясь в определенные межгрупповые отношения, принимают конкретное групповое членство и действуют в соответствии с контекстуальными ценностями, нормами, правилами общежития. Согласно позиции Д. Кэмпбелла [41], развившего идеи М. Шерифа на природу межгруппового конфликта, идентичность гармонично включена в процесс межгруппового конфликта и является непрямым следствием последнего.

Что касается социологической интерпретации идентичности, то традиционно ее (социологии идентичности) родоначальниками считаются Ч.Х. Кули и Дж. Мид, опираясь на взгляды которых, анализируемый феномен логично описывать через категорию «Я», имеющую когнитивную природу и раскрывающуюся в индивидуальном уникальном поведении и деятельности

[22]. Согласно теории Ч.Х. Кули [23], представления индивида о себе в огромной мере зависят от восприятия его окружающими. Человек смотрится как в «зеркало» во внешние представления и, отражая последние, создает о себе определенное мнение. Особенно важную роль такой процесс играет на раннем этапе развития человека, когда именно через восприятия и реакции других людей формируются его идеи и суждения относительно своего «Я», трансформирующиеся затем в стабильную концепцию собственной личности или, другими словами, индивидуальной идентичности. По мнению Дж. Мида, также «истoki и основания Я и мышления социальны» [26, с. 164], т.е. формируются в ходе социальных интеракций. По мнению автора, индивид не только является членом социальной группы и подвергается внешнему давлению, но и сам выступает в качестве субъекта коммуникативной активности и, значит, «опыт, присущий ему как Я, ... черпает из своего воздействия на других» [26, с. 162]. Кроме того, организующий индивидуальное Я опыт социальных реакций ограничен группой членства индивида и ситуацией, в которой он находится, поэтому приобретаемая личностью множественность Я оказывается в известном смысле нормальным явлением. Вместе с тем, богатство приобретенных Я зависит от активности человека при включении в социальные контакты. Личностное «Я», по Дж. Миду, в том виде, в котором оно представлено в социальном опыте, образуют взятые вместе «I» и «Me». При этом «I» является «представителем Я, каким оно было секунду, минуту или день назад» [26, с. 166]; индивидуальной, неповторимой «реакцией организма на установки других» [26, с. 166], которую нельзя схватить непосредственно в процессе реагирования, до его окончания, а, следовательно, невозможно и полностью осознать. «Me» отражает внешние установки, требующие от «I» определенного отклика, контролирующие то, что будет делать человек в заданной ситуации, и, как следствие, представляет собой некий инструмент социальной адаптации, основанной, по сути дела, на рефлексировании, предварительном анализе реакции «I». «То, что явлено

индивиду [курсив мой – А.Ш.] в непосредственном переживании своего Я при принятии установки *другого* [курсив мой – А.Ш.], мы называем «Ме». Это то Я, которое способно сохранять себя в сообществе и признается в сообществе, поскольку признает других. Такова фаза Я, о которой я говорил как о «Ме» [25, с. 173]. Таким образом, несмотря на отсутствие в концепции Дж. Мида терминов «бессознательный» – «осознаваемый» элементы «Я», присвоение им данных названий и отождествление с «Оно» и «Сверх-Я» по З. Фрейду, также как использование терминологии Х. Абельса применительно к конструкту идентичности («I» – импульсивное Я, уникальное в личности, а «Ме» – рефлексивное Я, множество ожиданий, предъявляемых обществом к человеку) представляется вполне оправданным. Более того, аналитический обзор творчества Дж. Мида позволяет выделить общее во взглядах социолога, во-первых, с идеями известного психоаналитика А. Адлера, в частности, относительно особенностей приобретения индивидом социального интереса, т.е. положительной установки в отношении людей, позволяющей отказываться от эгоистических интересов в пользу интересов и целей сообщества. Следуя теории А. Адлера, мотивирующая сила социального интереса в жизни каждого человека тесно связана с типом отношений, выстраиваемых матерью в его семье. С точки зрения Дж. Мида, поведенческие проявления указанного качества являются следствием соотношения «I» и «Ме» в человеческом «Я» или, другими словами, идентичности человека. Согласно Дж. Миду, «Я находит выражение либо в самоутверждении, либо в посвящении себя делу сообщества» [25, с. 170], при этом в первом случае наиболее серьезное значение приобретает реакция «I» и предпочтения индивидуального субъекта социального поведения, а во втором, – доминирует отклик «Ме» и требования, интересы группового субъекта социального поведения. Во-вторых, логично усматривать определенное сходство концепции Дж. Мида с психологической теорией бихевиоризма в том ее аспекте, который касается определения сущности человека как биологического существа, реагирующего на свою окружающую

среду. Именно поэтому социолог придавал большое значение наблюдению поведения человека, но в отличие от Дж. Уотсона, рассматривал последнего как активного в духовном плане, разумного и деятельного субъекта, можно даже сказать – защищал сферу индивидуальной свободы. По мнению Дж. Мида, деятельное отношение человека к окружающему миру отражает специфическую человеческую способность создавать и использовать значимые символы, которая называется «Духом», возникает в социальных отношениях, постоянно находит в них свое подтверждение и управляет поведением [1].

Наконец, в рамках диссертационного исследования представляется целесообразным выделить еще одно авторское положение, согласно которому, «для полного выражения «Я» существенны оба аспекта – как «I», так и «Me» [25, с. 176]. «... Чтобы принадлежать к сообществу, человек должен принять установку других членов группы; чтобы мыслить, он должен пользоваться этим внешним социальным миром, вбираемым им в себя. Именно через свою связь с другими членами данного сообщества – в силу возникающих в таком сообществе рациональных социальных процессов – он становится гражданином. С другой стороны, индивид постоянно реагирует на социальные установки и изменяет в процессе сотрудничества само то сообщество, к которому он принадлежит. Эти изменения могут быть незаметными и тривиальными. Человеку может быть нечего сказать, хотя он долго что-то говорит. И все же происходит приспособление и переприспособление. Мы говорим о ком-то как об обычном человеке; его идеи в точности совпадают с тем, что думают его ближние; в этом случае он вряд ли есть что-то большее, нежели «me»; его приспособления – не более чем череда незаметных приспособлений, происходящих, как мы говорим, неосознанно. В противовес этому существует человек, обладающий решительной личностью, который отвечает на организованную установку совершенно иначе, чем другие. В таком случае более важной фазой опыта является «I» [25, с. 177]. Таким образом, опираясь на идею Дж. Мида относительно равносильного значения «I» и «Me»

для человеческого «Я», имеет смысл выделять эго- (идентичность индивидуального субъекта социального поведения) и коллективную (идентичность группового субъекта социального поведения) идентичности, а также предполагать, что не только коллективные идентификации формируют индивидуальные, но и «Я» отдельной личности, заключенное в ее ценностях, целях, знаниях, опыте, обуславливает направление трансформации идентичности группового субъекта. Ученики и последователи Дж. Мида систематизировали его идеи и по-новому, оригинально проанализировали ситуации межличностного взаимодействия в микросоциологии, акцентируя внимание на роли смыслов, придаваемых индивидом собственному поведению и взаимоотношениям с окружающими (Г. Блумер); разнообразии, политике (сохранении и управлении) (Г. Гарфинкель, И. Гофман, Л. Краппман) [1], [17] и связи идентичности с индивидуальными представлениями о «территории свободы» (З. Бауман) [4] и соотношении индивидуальной уникальности и коллективной разделенности (Р. Дженкинс) [27].

Согласно Г. Блумеру, каждый человек вступает в интеракции двоякого рода: с самим собой и внешним миром, на основе их конструирования и интерпретации. При этом элементами конструкции оказываются, с одной стороны, индивидуальные «желания и потребности, ... цели и средства для их достижения, собственные поступки..., образ Я и вероятный результат определенной линии поведения» [9, с. 169], а с другой стороны, – значения, которые индивид приписывает внешним объектам: физическим предметам, поведению других людей, социальным группам, общественным институтам. Соответственно, действуя, человек каждый раз демонстрирует и себе, и другим значения самостоятельно сконструированного (символического) мира. Более того, участие в интерактивных процессах, в том числе, различных социальных движениях, не только поддерживает и укрепляет взгляды индивида на самого себя и цели взаимодействия, но и «служит для подкрепления нового представления о себе, которое индивид сформировал в результате своего

участия в движении» [9, с. 199]. По мнению Л. Краппмана [46], значение одних и тех же символов у разных участников интеракции часто противоречит представлениям, которые уже существуют в индивидуальном сознании и практике, вследствие чего субъекты, общаясь, вынуждены согласовывать вновь поступающую информацию со своими прежними знаниями и опытом, либо отчасти трансформировать имеющиеся убеждения, в том числе, относительно своих персон. Именно поэтому, одним из наиболее важных условий, обеспечивающих поддержание идентичности, по Л. Краппману, оказываются способности человека к ролевому дистанцированию, эмпатии, толерантности в отношении противоречий и инакомыслия, успешной презентации своей идентичности. Умения индивида отождествлять себя с ролями и реализовывать соответствующее конкретной социальной ситуации ролевое поведение, дифференцировать группы «мы» и «они», вступать во внутри- и межгрупповые отношения, чтобы символически «очертить мой мир» [5] как своеобразные маркеры идентичности вслед за Дж. Мидом и И. Гофманом также рассматриваются в работах З. Баумана. С точки зрения автора, каждая личность характеризуется определенной двойственностью, «как бы разделенностью на две части» [5, с. 29], которая выражается в «мидовских» понятиях «I» («Я») и «Me» («Меня», «Мне»). «I» представляет собой «внутренний стержень личности, с позиций которого рассматриваются, оцениваются, накапливаются и окончательно оформляются внешние социальные требования и ожидания» [5, с. 29], а «Me» – «...ту часть, которая, как кажется человеку, привносится извне, из общества, его окружающего, в виде требований и образцов поведения)» [5, с. 29]. При этом формирование личности во многом зависит от группы членства и «проявляется посредством «Me» [5, с. 29], осваивая которое, индивид начинает испытывать эмоциональную привязанность и доверие к «мы»-сообществу, в котором состоит, и, напротив, – антипатию, подозрительность и страх по отношению к «они»-группе, членом которой себя не воспринимает. Так, по словам З. Баумана, «я хорошо понимаю, что

происходит внутри «Мы»- группы [курсив мой – А.Ш.], и поскольку я это понимаю, я знаю, как мне действовать дальше, чувствую себя уверенно, как дома. «Мы» - группа [курсив мой – А.Ш.] является, так сказать, моим естественным окружением, местом, где мне нравится бывать, и куда я возвращаюсь с чувством облегчения. «Они» – это та группа, к которой я не могу или не хочу принадлежать. Мое представление о происходящем в ней весьма смутно и отрывочно, я плохо понимаю ее поведение, поэтому ее действия для меня большей частью непредсказуемы и отпугивают» [4, с. 30]. Не секрет, что первый тип сообщества или, другими словами, пространство «мы» – группы, у З. Баумана ассоциируется с социально-психологической «территорией свободы» действовать, ограниченной рамками данного социального контекста. Моя группа «фиксирует территорию, в пределах которой я могу правильно пользоваться свободой действий» [4, с. 30]. Рассуждая в этой логике, пространство, образуемое совокупностью людей, причисляемых к категории «они», стоит рассматривать как социально-психологический барьер для обретения личностной свободы и идентичности или, говоря иначе, определять как «территорию несвободы», которая обусловлена иным характером знаний индивида о жизни, а именно, иными целями, осуществления которых стоит добиваться; средствами, которые используются, добиваясь какой-либо цели, внушенной группой. «Эти средства — речь и «язык тела», с помощью которых я сообщаю о своих намерениях другим, та энергия, с которой я посвящаю себя согласно каким-либо устремлениям, в отличие от других, и вообще это формы поведения, соответствующие, как считается, той задаче, которую я ставлю перед собой в жизни» [4, с. 31]; критерием соответствия, т.е. «искусством различать вещи и людей, соответствующих и не соответствующих поставленной мною задаче» [4, с. 31]; индивидуальной «картой мира», которая «помогает мне выбирать понятные жизненные маршруты — набор вполне реальных жизненных планов, подходящих для «людей вроде меня» [4, с. 31]. Именно «картина мира»,

индивидуальные знания о целях, средствах «целестремления» и критериях соответствия, необходимые человеку, а не внешние атрибуты (одежда, ложа в театре, швейцар, телохранитель и пр.), как символы приверженности своему сообществу, которые формируются и используются индивидами в «Мы-группе», а также являются основанием для выстраивания коммуникативного процесса с выразителями полярных представлений, в концепции З. Баумана отражают содержание концепта идентичности. При этом в одних случаях идентичность, по Э. Бауману, т.е. эмоциональная приверженность образу группы, формирующая свою собственную психологическую реальность, имеет предписанный, аскриптивный характер, а в других, – формируется благодаря личностным усилиям и свободе выбора человека, т.е. является добровольной (дескриптивной). Соответственно предписанной идентичностью целесообразно считать принадлежность человека к нации, классу, полу и т.д., а дескриптивной идентичностью – добровольное отождествление индивида с референтными (семья, друзья и пр.) сообществами и целевыми группами (организациями) [3]. Единственный момент, на который следует обратить внимание, анализируя концепт дескриптивной идентичности, – это выбор объектов для идентификации. Так, идентификации индивида с сообществом включают в себя интериоризацию последним абсолютно всех атрибутов сообщества, а отождествление с целевыми группами – принятие индивидом на себя ролей, которые необходимы этому индивиду для гармоничного и согласованного существования в социально-психологическом пространстве организации. Согласно З. Бауману, «в отличие от сообщества, представляющегося нам как группа, члены которой принадлежат (или должны принадлежать) ей «душой и телом», организация поглощает только часть личности человека, входящего в нее. В самом деле, мы лучше поймем принцип действия организации, если представим ее как состоящую из ролей, а не из людей. Предполагается, что члены организации принимают свои роли (т.е. полностью посвящают себя выполнению своей задачи, пока они действуют в организации, полностью

отождествляют себя с ролью, которую они исполняют в данный момент) и в то же время дистанцируются от них (т.е. постоянно помнят, что это всего-навсего роль, и не путают права и обязанности, связанные с данной ролью, с правами и обязанностями в рамках другой деятельности или другого места)» [3, с. 52].

Сегодня поиск идентичности, как известно, осложнен многообразием воображаемых и реальных групп членства индивида, которые зачастую выступают источником противоречащих друг другу смыслов и не всегда являются устойчивыми образованиями. С точки зрения Н.Н. Федотовой, «...проблема, мучающая людей на исходе века, состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить других признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность» [35, с. 58]. Именно поэтому, в нашем представлении, идея ролевого дистанцирования, нашедшая предельное выражение у И. Гофмана, несмотря на свое более раннее происхождение, по сравнению со взглядами Л. Краппмана и З. Баумана, по-прежнему сохраняет значимость и объяснительную силу при истолковании многих современных социальных явлений. Как известно, И. Гофман, который считается наследником не только интеракционистского направления в социологии, но и американской антропологической традиции, рассматривал идентичность как «отнесение индивида к той или иной категории и определение его *структурных (например, «вид занятий»)* и *личностных [курсив мой – А.Ш.] качеств*» [14, с. 2] в условиях множественности социальных ролей [28]. Подобная категоризация индивида отражает наиболее существенные характеристики группы членства, в частности, половозрастные признаки, социальное положение, профессиональную направленность и пр., и трактуется как социальная идентичность, а ролевое поведение, т.е. воплощение субъектом в обыденной и профессиональной жизни различных образов, определяется И. Гофманом в качестве личной (персональной) идентичности. При этом конкретные поступки человека «... частично являются выражением и

результатом скрытого Я, его личности, и это Я присутствует во всех ролях, которые он (*актор*) [курсив мой – А.Ш.] исполняет в любой момент времени» [13, с. 377]. Иначе говоря, личностная идентичность включает в себя две составляющие, а именно: явную/внешнюю, демонстрируемую окружающим в виде набора ролей, и латентную, отображающую индивидуальное личностное содержание, биографические сведения, характеризующие уникальность по сравнению с другими, внешний вид и другие объективированные исполнения человека [13]. Опираясь на тезис И. Гофмана, логично предположить, что успех индивида в обществе зависит от степени соответствия между принятой им на себя ролью – «внешней «облицовкой» (*mantle*) на данный момент» [13, с. 382], и конкретной социальной ситуацией, конкретными ожиданиями партнеров по взаимодействию. Соответственно, репертуар ролей (демонстративная персональная идентичность) предопределяется (корректируется) социальными рамками и стандартами социальной идентичности. С другой стороны, как отмечалось выше, латентное «Я», т.е. индивидуальное личностное содержание, присутствует в любой роли: «из-под официальных облачений будут проглядывать блеск, коготь или что-то другое» [13, с. 382], поэтому один и тот же персонаж в исполнении разными людьми, вероятнее всего, будет обладать некоторой спецификой. Кроме того, анализируя феномены социальной и личной идентичности, сопоставимые, на наш взгляд, с категориями «Me» и «I» у Дж. Мида, И. Гофман выделяет в социальной идентичности истинный и виртуальный типы, которые вполне можно использовать для описания личностной идентичности, связывая истинную идентичность с реальной биографией актора, описанием его «как самоотождествленной, длящейся во времени сущности» [13, с. 381], а виртуальную идентичность – «с ролью, которую случается играть в определенный момент» [13, с. 381]. В то же время, согласно И. Гофману, «каков участник взаимодействия «на самом деле» – это в действительности не решающий вопрос. Вероятно, его участникам и не понадобится раскрывать тайну личности, даже если она фактически

раскрываема. Что важно – так это смысл, который индивид предлагает другим участникам взаимодействия своими действиями в отношении их, показывая тем самым, что он за человек помимо роли, в которой выступает» [13, с. 383]. Иначе говоря, каждый раз в ходе взаимодействия человек частично отстраняется от исполняемой роли. Рассуждая в этой логике, возникающая, благодаря ролевому дистанцированию, «щель, сквозь которую проглядывает человеческое Я» [13, с. 383], или истинная идентичность отражает уникальность и нормальность личности, а узнавание и правильное прочтение взаимодействующими сторонами истинной идентичности друг друга расширяет ориентировочную основу для общения; способствует формированию устойчивого представления относительно внутреннего мира (ценностей, установок, морально-волевых качеств и пр.) другого субъекта; формирует понимание того, что, казалось бы, соответствующие конкретной социальной ситуации чувства, мысли и поступки участников интеракции раскрывают и «невидимую природу», и черты изображаемых персонажей.

Перечисленные выше положения, на наш взгляд, имеют особенное значение для понимания профессиональной идентичности как характеристики, выступающей либо в качестве ресурса, либо в виде барьера эффективной жизнедеятельности субъекта труда в определенных организационных контекстах.

Социологическая концепция П. Бергера и Т. Лукмана также базируется на интеракционистских положениях, частности, Дж. Мида, однако, в понимании авторов, идентичность следует рассматривать с точки зрения социального конструирования реальности и исключительно в контексте конкретного общества: «Идентичность представляет собой феномен, который возникает из диалектической взаимосвязи индивида и общества» [7, с. 281] и, соответственно, не может не испытывать на себе в качестве фактора формирования влияние социализационных процессов. Поддержание идентичности индивида в процессе вторичной социализации предполагает

желание и возможность участвовать в определенном социальном порядке, т.е. занимать конкретный статус в обществе, идентифицироваться для себя и других с соответствующим набором социальных ролей, сохраняя, тем не менее, свою индивидуальность. При этом самоудовлетворение от участия в жизни социума для любого человека оказывается невозможным без признания окружающими передаваемого им во внешний контур образа «Я», т.е. без трансформации «претензий на идентичность» в реальное самоощущение [8].

Современные социологические теории в основном делают акцент на сконструированности идентичности, не имеющей устойчивый характер в силу динамичности современного общества. Несомненно, что многие современные социологи во многом опираются на теорию зеркального Я Ч.Х. Кули, ролевые концепции Дж. Мида и И.Гофмана, конструктивистское учение П. Бергера и Т. Лукмана. Так, по утверждению П. Бурдьё, весь практический мир выступает в форме многомерного пространства, сконструированного на основании принципов дифференциации и распределения, которые сформированы совокупностью свойств, обеспечивающих силу и власть их владельцу, а также предопределяющих социальную позицию последнего в конкретном универсуме. «В той мере, в какой свойства, выбранные для построения пространства, являются активными его свойствами, можно описать это пространство как поле сил, навязываемых всем входящим в это поле и несводимых к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным взаимодействиям» [11, с. 15]. Безусловно, в рамках теории социального пространства П. Бурдьё отсутствует прямое описание категории «идентичность», тем не менее, ряд авторских положений имеет самое непосредственное отношение и серьезное значение для лучшего понимания интересующего нас феномена как набора характеристик, предопределяющих место индивида в социальной иерархии. Во-первых, по мнению П. Бурдьё, «действующие свойства, взятые за принцип построения социального пространства, являются различными видами власти или капиталов, которые

имеют хождение в различных полях. Капитал, который может существовать в объективированном состоянии – в форме материального свойства или, как это бывает в случае культурного капитала, в его инкорпорированном состоянии, – представляет собой власть над полем (в данный момент времени)» [11, с. 15] и, следовательно, участвует в определении позиции индивида в данном социальном пространстве. К числу подобных капиталов относятся различные виды экономического капитала, культурный и социальный капиталы, а также символический, «обычно называемый престижем, репутацией, именем и т.п.» [11, с. 16], которые вполне можно рассматривать в качестве социальных категорий, конструирующих идентичность конкретной личности. Во-вторых, любая существующая позиция, по словам автора, может быть определена, исходя из общего объема капитала, которым располагает индивид, и сочетания своих капиталов, т.е. «по относительному весу различных видов капитала в общей совокупности собственности» [11, с. 16]. В-третьих, агенты, занимающие сходные позиции, попадая в похожие условия и при тождественных обстоятельствах, «имеют все шансы» обладать аналогичными габитусами – совокупностью когнитивных и мотивирующих структур или «системой устойчивых и переносимых диспозиций, структурированных структур, предрасположенных функционировать как принципы, порождающие и организующие практики и представления» [10, с. 103] и, как следствие, – демонстрировать похожее поведение.

В отличие от П. Бурдьё, не использовавшего понятие «социальная позиция» применительно к концепту социальной идентичности, Г. Стоун и Э. Гидденс напрямую связывают эти две категории. В соответствии с определением Г. Стоуна идентичность означает, что есть и где есть человек в социальном смысле [31]. Обладание идентичностью характеризуется помещением индивида как социального объекта в пространство социальных отношений или, другими словами, признанием участия последнего в интерактивных процессах. По мнению Э. Гидденса, идентичность следует

ассоциировать с «социальной позицией, фиксирующей круг прав и обязанностей, которые актор, соответствующий идентичности (или лицо, занимающее позицию) может активизировать или выполнить» [12, с. 142] или, если быть более точным, – позиционированием человека – носителя возрастных, гендерных ролей и т.д. в различных социетальных общностях. Однако в сравнении с возрастной градацией, социальным полом и другими аскриптивными характеристиками как маркерами социальной идентичности, имеющими тенденцию обуславливать самые разнообразные аспекты поведения, более нецелесообразным для описания интересующего нас феномена (идентичности) является использование правил и норм, упорядочивающих взаимодействие внутри определенного «социального пространства».

Р. Дженкинс отдает предпочтение социальному, нормативному аспекту идентичности, используя понятия индивидуальной и социальной идентичности в качестве синонимичных конструкторов. Так, согласно автору, который, по оценке В.Н. Павленко «пытается сделать шаг вперед в развитии своего направления, и, отталкиваясь от работ своих предшественников – Дж. Мида, И. Гофмана и Ф. Барта, ... индивидуальная уникальность и коллективная разделенность могут быть поняты как нечто очень близкое, если не то же самое, как две стороны одного процесса. Наиболее значимое различие между ними заключается в том, что в случае индивидуальной идентичности подчеркиваются отличительные характеристики индивидов, а в случае коллективной – подобные. Однако эта разница, по мнению автора, относительна. Одна не существует без другой. Процессы, в которых они формируются или трансформируются, аналогичны. И обе они по происхождению социальны» [27, с. 140]. Согласно Р. Дженкинсу, идентификация и социальная жизнь индивидов взаимосвязаны: не только утверждение относительно идентификации как необходимой предпосылки социальной жизни является правильным, но «обратное тоже верно. Индивидуальная идентичность, воплощенная в самости,

не существует в изоляции от социальных миров и других людей. Самость конструируется социально – в процессе первичной и последующих социализаций и в постоянных процессах социальных интеракций, в которых индивиды определяют и переопределяют себя и других на протяжении всей своей жизни» [27, с. 140]. Именно представление о «Я» как результате устойчивого синтеза одновременно самоопределений и определения себя другими, восходящее даже не столько к идеям И. Гофмана, сколько ко взглядам Г. Тарда и Ч. Кули, легло в основу авторской модели «внешне-внутренней диалектики идентификации» как процесса, обеспечивающего конструирование индивидуальной и групповой идентичностей [27].

Английский ученый, представитель психоаналитической ориентации в социологии, Я. Крейб в работе «Испытывая идентичность» фокусируется на анализе понятия self и, в частности, одного из элементов self – опыта, который значительно шире идентичности: «Под опытом я понимаю широкий ряд аффектов, имеющих физические и идеациональные компоненты, которые в свою очередь могут быть сознательными или бессознательными, или комбинацией сознательных и бессознательных элементов... Это прекогнитивное и экстракогнитивное знание, без которого мы не можем быть самими собой и существовать в социальном мире» [28, с. 53]. Иначе говоря, идентичность представляет собой некое целостное психическое пространство, совмещающее в себе индивидуальные и социальные компоненты self, переживаемое индивидом в личном опыте и позволяющее преодолевать трудности взаимодействия с внешним контекстом. «Мы имеем разные социальные идентичности, ... я могу потерять какую-то из социальных идентичностей (an identity), но не свою личную идентичность (my identity) Моя идентичность остается как что-то, что объединяет мои социальные идентичности. Именно моя идентичность трансформирует социальные идентичности» [28, с. 54]. Я. Крейб критикует Э. Гидденса, который преувеличивает степень рефлексивности и контроля индивида над своей

идентичностью (self) и трактует последнюю как набор ответных коррекционно-восстановительных реакций на вторжение окружающего в self. По мнению Я. Крейба, понимание опыта как независимой составляющей self позволяет человеку дистанцироваться от процессов формирования self и сопровождающей их идеологии и, соответственно, стать относительно свободным от заданных определений социальной реальности, обрести наряду с расщепленностью истинную целостность или, в терминологии Э. Фромма, «подлинную» идентичность. При этом диалектика целостности–расщепленности признается многими авторами. Некоторые исследователи утверждают, что нынешнее состояние общества открывает невиданные возможности для изменения социального мира и самого себя под его влиянием. С возникновением постмодернистского сознания, согласно К. Джерджену, мы теряем личность, ощущение аутентичности и искренности, создавая по своему усмотрению новые или трансформируя прежние идентичности, которые при этом приобретают все более виртуализированный и вероятностный характер. Однако, по мнению Я. Крейба, сколько бы человек ни переживал, ни стирал и вновь не записывал свои идентичности, именно его Я проделывает все это [28].

Таким образом, социально-психологическая трактовка феномена социальной идентичности: ее структуры, видов и специфики проявления, может оказаться полезной при объяснении многочисленных проблем в жизнедеятельности отдельных групп и коллективов, в целом социальной среды, которые традиционно находятся в поле зрения социологии.

Список литературы

1. Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию/Х. Абельс. СПб.: Изд-во «Алетейя», 1999.
2. Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии/Н.В. Антонова//Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131-143.

3. Бауман З. Вместе и врозь /З. Бауман//Мыслить социологически. М.: Аспект-Пресс, 1996.
4. Бауман З. Мы и они /З. Бауман//Мыслить социологически. М.: Аспект-Пресс, 1996.
5. Бауман З. Свобода и зависимость /З. Бауман//Мыслить социологически. М.: Аспект-Пресс, 1996.
6. Белинская Е.П. Временные аспекты «Я» - концепции и идентичности/Е.П. Белинская//Мир психологии. 1999. № 3. С. 140-147.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания/Пер. с англ. Е. Руткевич. – М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.
8. Бергер П.Л., Бергер Б. Социология: Биографический подход/П.Л. Бергер, Б. Бергер. Личностно-ориентированная социология. М.: Академический проект, 2004.
9. Блумер Г. Коллективное поведение/Г. Блумер//Американская социологическая мысль: Тексты/Под ред. В.И. Добренкова. М.: Издание Международного Университет Бизнеса и Управления, 1996. С. 166-212.
10. Бурдье П. Практический смысл/П. Бурдье. СПб.: Алетейя, 2001.
11. Бурдье П. Социология социального пространства/Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко/П. Бурдье. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
12. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд./Э. Гидденс. М.: Академический Проект, 2005.
13. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ./Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина./И. Гофман. М.: Институт социологии РАН, 2003.
14. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью./И. Гофман/Пер. М.С. Добряковой. URL:http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/145155/Gofman_-

Stigma._Zametki_ob_upravlenii_isporchennoii_identichnost'yu.pdf (дата обращения: 21.02.2010).

15. Данилова Е.Н., Косэла К. О методологии исследования: общий подход и используемые методики/Е.Н. Данилова, К. Косэла//Россияне и поляки на рубеже столетий. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998-2022 гг.)/Сост. Е.Н. Данилова, В.А. Ядов. СПб.: РХГА, 2006.

16. Дробижева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде/Л.М. Дробижева//СОЦИС. 2010. № 12. С. 49-58.

17. Заковоротная М.В. Идентичность человека: социально-философские аспекты/М.В. Заковоротная. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1999.

18. Иванова Н.Л. Идентичность и толерантность: соотношение этнических и профессиональных стереотипов/Н.Л. Иванова//Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 54-63.

19. Иванова Н.Л. Структура социальной идентичности личности: проблема анализа/Н.Л. Иванова//Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1. С. 52-60.

20. Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б. Гражданская идентичность в различных социально-экономических условиях/Н.Л. Иванова, Г.Б. Мазилова//Идентичность и организации в меняющемся мире [Тексты]: сб. научн. ст./под ред. Н.М. Лебедевой, Н.Л. Ивановой, В.А. Штроо; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 41-56.

21. Иванова Н.Л., Румянцева Т.В. Социальная идентичность: теория и практика/Н.Л. Иванова, Т.В. Румянцева. М.: Изд-во СГУ, 2009.

22. История теоретической социологии. Стабилизационное сознание и социологическая теория в век кризиса/Под ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Академический Проект; ГАУДЕАМУС, 2010.

23. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок/Ч.Х. Кули/Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

24. Лебедева Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла/Н.М. Лебедева//Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 48-58.

25. Мид Дж. «I» и «Me» как фазы Я/Дж. Мид/Разум. Я и общество//Избранное: Сб. переводов/РАН ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2009. С. 170-177.

26. Мид Дж. Я и субъективное/Дж. Мид/Разум. Я и общество//Избранное: Сб. переводов/РАН ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2009.

27. Павленко В.Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной психологии/В.Н. Павленко//Вопросы психологии. 2000. №1. С.135-141.

28. Симонова О.А. К формированию социологии идентичности/О.А. Симонова//Социологический журнал. 2008. № 3. С. 45-61.

29. Скарабис М., Шульце Р., Шеффер Б. Роль экономических и символических факторов идентичности в формировании отношения к чужим группам/ М. Скарабис, Р. Шульце, Б. Шеффер// Журнал Высшей школы экономики: Психология. 2004. Т. 1. № 1. С. 52-69.

30. Солдатова Г.У. От гражданина до беженца: ценности и мотивы поведения русских ближнего зарубежья/Г.У. Солдатова//Ценности и символы национального самосознания у условиях изменяющегося сообщества. М.: Просвещение, 1994.

31. Социальная идентичность и изменение ценностного сознания в кризисном обществе/Отв. ред. Н.А. Шматко. М.: РАН ИС, 1992.

32. Ставропольский Ю.В. Модели этнокультурной идентичности в современной американской психологии/Ю.В. Ставропольский//Вопросы психологии. 2003. № 6. С. 112-121.
33. Тедески Дж.Т., Неслер М.С. Основания социальной власти и социального влияния/Дж.Т. Тедески, М.С. Неслер//Иностранная психология. 1994. № 2. С. 25-31.
34. Тэрнер Дж.С., Оукс П.Дж., Хэслем С.А., Дэвид В. Социальная идентичность, самокатегоризация и группа/Дж.С. Тэрнер, П.Дж. Оукс, С.А. Хэслем, В. Дэвид//Иностранная психология. 1994. Т. 2. № 2(4). С. 8-17.
35. Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации/Н.Н. Федотова//Человек. 2003. № 6. С. 50-58.
36. Шеффер Б., Скарабис М., Шледер Б. Социально-психологическая модель восприятия чужого: идентичность, знание, амбивалентность/Б. Шеффер, М. Скарабис, Б. Шледер//Журнал Высшей школы экономики: Психология. 2004. Т. 1. № 1. С. 24-51.
37. Шеффер Б., Шледер Б. Социальная идентичность и групповое сознание как медиаторы межгруппового поведения/Б. Шеффер, Б. Шледер//Иностранная психология. 1993. Т. 1. № 1. С. 74-84.
38. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности/В.А. Ядов//Мир России. 1995. № 3-4. С. 158-181.
39. Bananji M. R., Prentice D. A. The Self in social context. /M. R. Bananji, D. A. Prentice// Annual Reviews of Psychology. 1994. Vol. 45. PP. 297-332.
40. Billing M. Social representation, objectification and anchoring: A theoretical analysis/M. Billing//Social behavior. 1985. №3. PP. 1-16.
41. Campbell D.T. Stereotypes and perception of group differences/D.T. Campbell//American Psychologist. 1967. Vol. 22. PP. 17-29.

42. Cinnirella M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities/ M. Cinnirella// European Journal of Social Psychology. 1998. N 28 (22). March/April. PP. 227-248.
43. Ellmers N., Mlicki P.P. Being different or being better? National stereotypes and identifications of Polish and Dutch students/ N. Ellmers, P.P. Mlicki//European Journal of Social Psychology. 1996. Vol. 26. PP. 97-114.
44. Hogg M., Abrams D. Social motivation, self-esteem and social identity/M. Hogg, D. Abrams//Social identity theory: Constructive and critical advances. L.: Routledge, 1990. PP. 28-47.
45. Jarumovicz M. Self-We-Others schemata and stoical identifications//Social identity (International perspectives). London, 1998. PP. 44-53.
46. Krappman L. Soziologische Dimensionen der Identität/L. Krappman. Stuttgart: Klett, 1969.
47. Sherif M. In common predicament: Social psychology of inter-group conflict and cooperation/M. Sherif. Boston, 1966.
48. Swann W.B. Embracing the bitter «truth»: negative self-concept and marital commitment/ W.B. Swann// Psychological Science. 1992. Vol. 3 (2). PP. 118-121.

References

1. Abel's H. *Interakcija, identifikacija, prezentacija. Vvedenie v interpretativnuju sociologiju* [Interaction, identification, presentation. Introduction to interpretive sociology]. Sankt. Petersburg, 1999.
2. Antonova N.V. *Problema lichnostnoj identichnosti v interpretacii sovremennogo psihoanaliza, interakcionizma i kognitivnoj psihologii* [The problem of personal identity in the interpretation of contemporary psychoanalysis, interactionism and cognitive psychology]. *Voprosy psihologii*, no.1 (1996): 131-143.
3. Bauman Z. *Vmeste i vroz'* [Together and apart]. Moscow, 1996.
4. Bauman Z. *My i oni* [Us and them]. Moscow, 1996.

5. Bauman Z. *Svoboda i zavisimost'* [Freedom and dependence]. Moscow, 1996.
6. Belinskaja E.P. *Vremennye aspekty «Ja» - koncepcii i identichnosti* [Temporal aspects of the "I" - the concept and identity]. *Mir psihologii*, no.3 (1999): 140-147.
7. Berger P., Lukman T. *Social'noe konstruirovanie real'nosti: Traktat po sociologii znaniya* [Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow, 1995.
8. Berger P.L., Berger B. *Sociologiya: Biograficheskiy podhod* [Sociology: Biographical Approach]. Moscow, 2004.
9. Blumer G. *Kollektivnoe povedenie* [The collective behavior]. Moscow, 1996. pp. 166-212.
10. Burd'e P. *Prakticheskiy smysl* [The practical meaning of]. Sankt. Petersburg, 2001.
11. Burd'e P. *Sociologiya social'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Sankt. Petersburg, 2007.
12. Giddens Je. *Ustroenie obwestva: Ocherk teorii strukturacii* [Ordering of society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow, 2005.
13. Gofman I. *Analiz frejmov: jesse ob organizacii povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: An Essay on the organization of everyday experience]. Moscow, 2003.
14. Gofman I. *Stigma: Zametki ob upravlenii isporchennoj identichnost'ju* [Stigma: Notes on the management of spoiled identity]. [http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/145155/Gofman_-
Stigma._Zametki_ob_upravlenii_isporchennoii_identichnost'yu.pdf](http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/145155/Gofman_-_Stigma._Zametki_ob_upravlenii_isporchennoii_identichnost'yu.pdf). (data obrawenija: 21.02.2010).
15. Danilova E.N., Kosjela K. *O metodologii issledovanija: obwij podhod i ispol'zuemye metodiki* [on research methodology: general approach and methodology used by]. Sankt. Petersburg, 2006.

16. Drobizheva L.M. *Identichnost' i jetnicheskie ustanovki russkih v svoej i inojetnicheskoy srede* [Identity and ethnic Russian in its installation, and other ethnic media]. *SOCIS*, no. 12 (2010): 49-58.
17. Zakovorotnaja M.V. *Identichnost' cheloveka: social'no-filosofskie aspekty* [The identity of the man: the social and philosophical aspects]. Rostov-na-Donu, 1999.
18. Ivanova N.L. *Identichnost' i tolerantnost': sootnoshenie jetnicheskikh i professional'nyh stereotipov* [Identity and tolerance: correlation of ethnic and professional stereotypes]. *Voprosy psihologii*, no. 6 (2004): 54-63.
19. Ivanova N.L. *Struktura social'noj identichnosti lichnosti: problema analiza* [The structure of the social identity of the individual: a problem analysis]. *Psihologicheskij zhurnal* 25, no. 1 (2004): 52-60.
20. Ivanova N.L., Mazilova G.B. *Grazhdanskaja identichnost' v razlichnyh social'no-jekonomicheskikh usloviyah* [Civic identity in different socio-economic conditions]. Moscow, 2008. pp. 41-56.
21. Ivanova N.L., Rumjanceva T.V. *Social'naja identichnost': teorija i praktika* [Social identity theory and practice]. Moscow, 2009.
22. *Istorija teoreticheskoy sociologii. Stabilizacionnoe soznanie i sociologicheskaja teorija v vek krizisa* [The history of theoretical sociology. Stabilizing consciousness and sociological theory in an age of crisis]. Moscow, 2010.
23. Kuli Ch.H. *Chelovecheskaja priroda i social'nyj porjadok* [Human nature and social order]. Moscow, 2000.
24. Lebedeva N.M. *Social'naja identichnost' na postsovetskom prostranstve: ot poiskov samouvazhenija k poiskam smysla* [Social identity in post-Soviet space: the search for self-esteem to a search for meaning]. *Psihologicheskij zhurnal* 20, no. 3 (1999): 48-58.
25. Mid Dzh. *«I» i «Me» kak fazy Ja* [«I» and «Me» as a phase I]. Moscow, 2009. pp. 170-177.
26. Mid Dzh. *Ja i subjektivnoe* [I and the subjective]. Moscow, 2009.

27. Pavlenko V.N. *Predstavlenija o sootnoshenii social'noj i lichnostnoj identichnosti v sovremennoj psihologii* [Representations of the relationship between social and personal identity in modern psychology]. *Voprosy psihologii*, no. 1. (2000): 135-141.
28. Simonova O.A. *K formirovaniju sociologii identichnosti* [By forming the identity of sociology]. *Sociologicheskij zhurnal*, no. 3. (2008): 45-61.
29. Skarabis M., Shul'ce R., Sheffer B. *Rol' jekonomicheskikh i simvolicheskikh faktorov identichnosti v formirovanii otnoshenija k chuzhim gruppam* [The role of economic factors and symbolic identity in relation to the formation of groups of strangers]. *Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki: Psihologija* 1, no. 1 (2004): 52-69.
30. Soldatova G.U. *Ot grazhdanina do bezhenca: cennosti i motivy povedenija russkih blizhnego zarubezh'ja* [From citizen to refugee: the values and motives of Russian near abroad]. Moscow, 1994.
31. *Social'naja identichnost' i izmenenie cennostnogo soznaniya v krizisnom obwestve* [Social identity and value consciousness change society in crisis]. Moscow, 1992.
32. Stavropol'skij Ju.V. *Modeli jetnokul'turnoj identichnosti v sovremennoj amerikanskoj psihologii*/Ju.V. Stavropol'skij [Models of ethnocultural identity in modern American psychology]. *Voprosy psihologii*, no.6 (2003): 112-121.
33. Tedeski Dzh.T., Nesler M.S. *Osnovaniya social'noj vlasti i social'nogo vlijaniya* [Bases of social power and social influence]. *Inostrannaja psihologija*, no. 2 (1994): 25-31.
34. Tjerner Dzh.S., Ouks P.Dzh., Hjeslem S.A., Djevid V. *Social'naja identichnost', samokategorizacija i gruppa* [Social identity, self-categorization and group]. *Inostrannaja psihologija* 2, no. 2(4) (1994): 8-17.
35. Fedotova N.N. *Krizis identichnosti v uslovijah globalizacii*/N.N. Fedotova [The crisis of identity in a globalized world]. *Chelovek*, no. 6 (2003): 50-58.

36. Shefer B., Skarabis M., Shleder B. *Social'no-psihologicheskaja model' vosprijatija chuzhogo: identichnost', znanie, ambivalentnost'* [Socio-psychological model of the perception of others: identity, knowledge, ambivalence]. *Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki: Psihologija* 1, no.1 (2004): 24-51.
37. Sheffer B., Shleder B. *Social'naja identichnost' i gruppovoe soznanie kak mediatory mezhgruppovogo povedenija*/B. Sheffer, B. Shleder [Social identity and group consciousness as mediators of intergroup behavior]. *Inostrannaja psihologija* 1, no. 1 (1993): 74-84.
38. Jadov V.A. *Social'nye i social'no-psihologicheskie mehanizmy formirovanija social'noj identichnosti* [Social and socio-psychological mechanisms of social identity]. *Mir Rossii*, no. 3-4 (1995): 158-181.
39. Bananji M. R., Prentice D. A. *Annual Reviews of Psychology* 45 (1994): 297-332.
40. Billing M. *Social behavior*, no. 3 (1985): 1-16.
41. Campbell D.T. *American Psychologist* 22 (1967): 17-29.
42. Cinnirella M.. *European Journal of Social Psychology* 22, no. 28. March/April (1998): 227-248.
43. Ellmers N., Mlicki P.P. Being different or being better? National stereotypes and identifications of Polish and Dutch students. *European Journal of Social Psychology* 26 (1996): 97-114.
44. Hogg M., Abrams D. Social motivation, self-esteem and social identity. L.: Routledge, 1990: 28-47.
45. Jarumovicz M. Self-We-Others schemata and stoical identifications. London, 1998: 44-53.
46. Krappman L. Soziologische Dimensionen der Identität. Stuttgart: Klett, 1969.
47. Sherif M. In common predicament: Social psychology of inter-group conflict and cooperation. Boston, 1966.

48. Swann W.B. Embracing the bitter «truth»: negative self-concept and marital commitment. *Psychological Science* 3, no. 2 (1992): 118-121.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Шакурова Анна Васильевна, доцент кафедры психологии управления ННГУ,
кандидат социологических наук

Нижегородский научно-исследовательский университет

пер. Университетский, д.7, г. Н.Новгород, 603000, Россия

anvash72@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shakurova Anna Vasilyevna, associate professor, department of psychology of
management, candidate of sociological sciences

National Research University of Nizhniy Novgorod

7, University, Nizhny Novgorod, 603000, Russia

anvash72@gmail.com

Рецензент:

Бекарев А.М., д.философ.н., проф.каф. общей социологии и социальной
работы ФСН ННГУ